

ОТПУСК НА ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Солдату чаще всего приходилось воевать вдали от дома.

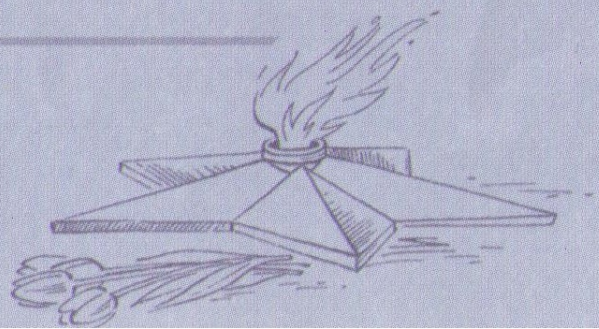
Дом у него в горах на Кавказе, а он воюет в степях на Украине. Дом в степи, а он воюет в тундре, у холодного моря. Место, где воевать, никто сам себе не выбирал. Однако бывало, что солдат защищал или отбивал у врага свой родной город, свою родную деревню. В родных краях оказался и Василий Плотников. После того как закончился бой и фашисты отступили, солдат попросил у командира разрешение — сходить в деревню Яблонцы. Там его дом. Там остались жена с маленькой дочкой и старенькая мама. До Яблонцев всего-то десяток километров.

— Хорошо, — сказал командир. — Даю вам, рядовой Плотников, отпуск на четыре часа. Возвращайтесь без опоздания. Сейчас одиннадцать, а в пятнадцать придут грузовики и повезут нас вдогонку за фашистами.

Товарищи Плотникова принесли свои продовольственные запасы — консервы, сухари, сахар. Все сложили ему в вещевой мешок. Пусть угостит семью. Дары не велики, но ведь от всего сердца! Они немного завидовали Плотникову. Шутка ли — два года не видел родных, ничего не знал о семье, а теперь — скорое свидание. Правда, солдаты думали и о том, что жена Плотникова, и маленькая дочка, и старенькая мама могли

А. Митяев
«Отпуск на четыре часа»

погибнуть в фашистской неволе. Но печальные думы вслух не высказывали.

А Василий Плотников сам об этом думал. И поэтому радость его была тревожная. Он сказал товарищам только одно слово: «Спасибо!», надел на плечи лямки вещевого мешка, на шею повесил автомат и зашагал напрямик через поле, через лесок к Яблонцам.

Деревня Яблонцы была небольшая, но уж очень красивая. Она часто снилась солдату Плотникову. Под высокими старыми ветлами, как под зеленым шатром, в прохладной тени стояли крепкие дома — с резными крылечками, с чистыми скамеечками перед окнами. За домами были огороды. И все росло в этих огородах: желтая репа, красная морковь, тыквы, похожие на кожаные мячи, подсолнухи, похожие на латунные, начищенные до блеска тазы, в которых варят варенье. А за огородами стояли сады. Зрели в них яблоки — какие только пожелаешь! Сладко-кислые грушовки, сладкие, как мед, терентьевки и самые лучшие на всем свете антоновские яблоки. Осенью, когда замачивали антоновку в бочонках, когда укладывали в ящики для зимнего хранения, перестилая слои ржаной соломой, все в Яблонцах пахло яблоками. Ветер, пролетая над деревней, пропитывался этим запахом и разносил его далеко по округе. И люди — прохожие ли, проезжие, чей путь был в стороне от Яблонцев, — сворачивали с дороги, заходили, заезжали туда, наедались яблоками вдоволь, с собой захватывали. Щедрая была деревня, добрая. Как-то она теперь?

Василий Плотников торопился. Чем скорее дойдет до деревни, тем больше времени будет на свидание с родными. Все тропки, все дорожки, все овражки и бугорки были известны ему с детства. И вот через час с небольшим увидел он с высокого места Яблонцы. Увидел. Остановился. Глядел.

Не было над Яблонцами зеленого шатра. Вместо него была растянута в небе черная изорванная паутина:

листья на высоких ветлах сгорели, ветки тоже сгорели, а сучья обуглились, они-то и расчертили небо черной паутиной.

Сердце у солдата Василия Плотникова сжалось, заболело. Что было сил он побежал к деревне. Словно хотел чем-то помочь своим Яблонцам. А помочь ничем уже было нельзя. Стали Яблонцы пепелищем. Прокаленная земля была засыпана серой, как дорожная пыль, золой, усеяна головешками. Среди этого праха стояли закопченные печи с высокими трубами. Непривычно и жутко было видеть кирпичные трубы такой высоты. Прежде-то их закрывали крыши, и никто их такими не видел. Печи казались живыми существами, какими-то огромными птицами, тянувшими длинные шеи в пустое небо. Птицы хотели взлететь в страшную минуту, но не успели и остались, окаменевшие, на месте.

Дом Василия Плотникова до пожара стоял в середине деревни. Солдат легко отыскал и узнал свою печку. Сквозь копоть просвечивала побелка. Он сам белил печку перед тем, как уйти на войну. Тогда же сделал много другой работы вокруг дома, чтобы жене, матери и дочке жилось полегче. «Где же они теперь? Что с ними стало?»

«Деревня погибла в огне,— рассуждал Василий Плотников.— Если бы ее бомбили или обстреливали, непременно какие-то печи развалились бы, трубы обрушились бы...» И появилась у него надежда, что жители Яблонцев спаслись, ушли до пожара куда-нибудь в леса.

Он ходил по пепелищу, отыскивал железные остатки дома — дверные ручки, крючки, большие гвозди. Находил все это, покрытое бурой окалиной, брал в руки, разглядывал — как бы спрашивал о судьбе хозяев. Ответа не было.

Плотников представил себе, как нагрянула в Яблонцы команда фашистов, особая команда. Они выскочили из грузовиков с канистрами бензина. Обливали бензином

стены. А потом шел фашист-факельщик. И поджигал дома — один за другим. С начала и до конца поджег всю деревню. И в это же время, а может, чуть раньше или чуть позже вражеский танк проехал по садам, ломая яблони, вминая их в землю... Тысячи деревень уничтожили фашисты подобным образом при отступлении.

Солдат собрал грудкой кирпичи, сдул с них золу, сел. И так, сидя, не сняв вещевого мешок и автомат, думал горькую думу. Он не сразу почувствовал, что кто-то прикасается к голенищу сапога. Вернее, легкие толчки он чувствовал, но не обращал внимания, ведь вокруг ни живой души. А когда посмотрел на сапоги, увидел кошку — серую с белой грудкой, свою кошку Дунюшку.

— Дунюшка! Ты откуда тут, Дунюшка?

Он взял ее под живот растопыренной пятерней, посадил на колени и стал гладить.

Дунюшка прижалась поплотнее к хозяину, закрыла глаза, замурлыкала. Мурлыкала тихо, спокойно. Неторопливо повторяла на вдохе и выдохе однообразные звуки, словно горошинки перекатывала. И показалось Плотникову, что кошка знает, как трудно на войне людям, как тяжело у него на сердце. Знает она и о том, где жена солдата, дочка и мать. Они живы, укрылись в лесу от фашистов, а главная их печаль — не о сгоревшем доме, а о нем. Жив ли он, солдат Василий Плотников? Если жив, то и они проживут. Вот увидят, что нет фашистов, что Советская Армия прогнала их, и придут из леса в деревню. Выкопают на зиму землянку. Будут терпеливо ждать конца войны, возвращения солдат. Солдаты вернутся, построят все новое. И сады посадят...

— Где же ты была, Дунюшка, когда Яблонцы горели? И как же сильно любишь ты свой дом, если не уходишь от него, сгоревшего?

Кошка слушала человеческий голос и все вела свою песенку — не громче, не тише, не быстрее, не медленнее, словно уговаривала солдата не печалиться без меры.

... Время шло. Пора было возвращаться в часть. Солдат крошил кошке в обломок глиняной миски хлеб-бушка. Вещевой мешок с продуктами положил в печку и закрыл заслонкой. Потом горелым гвоздем выцарапал на печке:

*«Я живой. Дома вас не застал. Пишите.
Полевая почта 35769. В. Плотников».*

Кошка доела хлеб. Подобрала еду до последней крошечки. Сидя у глиняного черепка, принялась умываться — лизала лапку розовым языком, лапкой терла мордочку. «Хорошая примета, — подумал солдат. — Это — к гостям. Кошка гостей замывает. А кто гости? Конечно, жена, дочка и мама — хозяйки сгоревшего дома». От такой мысли стало солдату полегче. И пришли другие мысли: как сядет он с товарищами в грузовик, как нагонят фашистов и начнут новый бой. Будет он стрелять из автомата, бросать гранаты, а если кончатся боеприпасы, убьет фашиста простым кулаком...

— Ну, прощай, Дунюшка! Мне пора. Как бы без меня не уехали.

Кошка посмотрела в глаза хозяину. Встала. И когда он зашагал по пепелищу, побежала рядом. Бежала довольно долго. Остановилась за обгоревшими ветлами, на зеленом бугорке. Оттуда провожала солдата взглядом. Солдат оборачивался, каждый раз видел на зеленом бугорке серый комочек с белым пятнышком.

... Войска, в которых был батальон Василия Плотникова, наступали очень хорошо, гнали и гнали фашистов. Письмо из дома он получил, когда от Яблонцев ушли на целые полтысячи километров.

